

18+

Клавдия Князева

РУНЫ

СЕВЕРНАЯ МАГИЯ

Клавдия Князева

Руны. Северная магия

«Издательские решения»

Князева К.

Руны. Северная магия / К. Князева — «Издательские решения»,

«Магия рун» — практическое руководство по работе с рунами, которое поможет разобраться в северной традиции. В книге раскрываются значения рун, приведены многочисленные примеры линейных ставов и гальдраставов. Издание подойдёт как тем, кто только открывает для себя руны, так и практикующим, желающим систематизировать знания.

© Князева К.

© Издательские решения

Содержание

Магия Рун	6
Происхождение рун	7
Основные боги скандинавского пантеона	9
Подношения скандинавским богам	11
Современный рунический алтарь	15
Рунические талисманы и создание рун	17
Разновидности посвящений в северную традицию	21
Эриль	23
Сейдкона	25
Скальд	27
Варлоккок	30
Вельва	33
Старший футарк. Три атта. Значения рун	36
Атт Фрейи	38
Атт Хеймдалля	40
Атт Тюра	42
Руны первого атта	44
Руны второго атта	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Руны Северная магия

Клавдия Князева

© Клавдия Князева, 2026

ISBN 978-5-0070-7198-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Магия Рун

В глубинах времён, там, где туман скандинавских фьордов сливается с безмолвием древних лесов, зародилась тайна, пережившая тысячелетия. Руны — не просто знаки, вырезанные на камне или дереве. Это ключи к иному измерению реальности, язык, на котором шепчут боги, а мир отвечает эхом судеб. Представьте себе ночь, когда луна едва пробивается сквозь рваные облака, а в очаге догорают последние угли. В этой полутьме рука эриля выводит на дубовой дощечке первый символ — Fehu, руну богатства и начала пути. Каждое движение осознанно, каждое прикосновение резца к древесине — ритуал, в котором сливаются воля человека и сила мироздания. В этот миг руна оживает: она уже не просто знак, а канал, по которому течёт энергия миров. Занимаясь рунами много лет, я точно могу сказать, что каждая руна — это энергия, соединённая с волей мага, она будет привлекать нужные события. Но что же такое руны на самом деле? Это память предков — система символов, впитавшая мудрость викингов, шаманов и жрецов. Это инструмент познания — способ заглянуть за грань обыденного, расшифровать знаки судьбы. Это оружие и щит — магия, способная изменить ход событий, защитить от тьмы или направить поток удачи. Это зеркало души — каждый символ резонирует с внутренним миром человека, обнажая скрытые страхи и дремлющие силы.

История рун окутана легендами. Одни говорят, что их даровал людям Один. Другие верят, что руны возникли из стихий — из грохота волн, шепота ветра, треска льда. Но вне зависимости от происхождения, их сила остаётся неизменной: они говорят. С вами. Со вселенной. С вечностью. Эта книга — не только сборник готовых заклинаний и не только инструкция по «управлению судьбой». Это путь. Путь, на котором вы познакомитесь с каждой руной Старшего Футарка как с живой энергией, имеющим характер и волю, которую можно почувствовать. Научитесь слышать их шёпот в повседневных событиях; Освойте искусство начертания простых линейных ставов, меняющих реальность; Поймёте, как гадать по рунам, осознаете ответственность — ведь руны не исполняют желания, а показывают, как стать творцом своей судьбы.

Руны — это не игрушка. Они требуют уважения, терпения и честности. Если вы готовы открыть эту дверь, если ваше сердце уже бьётся в такт древним ритмам — сделайте первый шаг. Мир рун ждёт вас. «Руны молчат, пока ты не научишься слушать. А когда ты услышишь, они уже не замолчат». — Из утраченных текстов скальдов.

Происхождение рун

Происхождение рун окутано пеленой времени, в нём сплетаются и мифологические сказания, и выводы учёных, опирающихся на древние надписи и сравнительный анализ письменностей. Само слово «руна» восходит к германскому корню *run*, что значит «тайна», «то, что нашептывают», уже в самом названии слышится отзвук сакрального: изначально эти знаки мыслились не просто как средство записи, а как носители скрытой силы.

В мифологической традиции появление рун напрямую связано с Одином. В «Речах Высокого» из «Старшей Эдды» повествуется, как верховный бог, стремясь обрести высшее знание, добровольно принёс себя в жертву самому себе: девять долгих ночей провисел он, пронзённый собственным копьём, на ветвях мирового древа Иггдрасиль. Пребывая на грани жизни и смерти, в мучительном пограничном состоянии, он пристально вглядывался в неведомые глубины, пока не разглядел таинственные очертания знаков. Один воспринял их, запомнил и принёс людям — вместе с умением обращаться с этой силой. В этой мифе отражено важное для северной культуры представление: знание не даётся легко, оно добывается ценой испытания, а руны — не просто буквы, а ключи к тайнам бытия, требующие ответственности и внутренней зрелости.

Если же обратиться к историческим реконструкциям, то учёные сходятся на том, что рунический строй (так называемый Старший футарк из 24 рун) начал складываться примерно на рубеже нашей эры, а самые ранние из надёжно датированных рунических надписей относят к II—III векам н. э. Родиной формирования системы считают север и запад Европы — вероятно, территории современной Дании, южной Норвегии и северной Германии. Характерная угловатая форма знаков не случайна: руны изначально предназначались для вырезания на твёрдых материалах — дереве, кости, камне, — и прямые, рубленые линии лучше всего подходили для такого способа нанесения.

Что касается истоков самой графики, здесь нет единой версии, но ряд гипотез опирается на сопоставление с другими алфавитами Средиземноморья. Наиболее убедительной многим исследователям представляется теория, связывающая руны с одним из северноэтрусских алфавитов альпийского региона: отдельные знаки обнаруживают заметное сходство, а контакты между германскими племенами и южными культурами в позднеримское время действительно имели место. Существуют и иные предположения — о влиянии латинского письма (в том числе его скорописных форм) или, реже, о соприкосновении с огамическим письмом кельтов; не исключено, что становление рун шло путём отбора и переосмысления элементов сразу нескольких письменных систем, приспособленных к звуковому строю прагерманского языка. При этом руническая письменность не стала простым заимствованием: она обрела собственную структуру и порядок знаков (футарк — по звучанию первых шести рун), а также особое культурное значение, далеко выходящее за рамки бытовой фиксации речи.

На ранних этапах руны нередко служили для кратких, значимых сообщений мемориального или сакрального характера: на камнях и предметах вырезали имена, поминальные формулы, защитные слова. Со временем система развивалась: в Скандинавии эпохи викингов Старший футарк постепенно сменился Младшим (из 16 рун), более приспособленным к изменениям языка, а в отдельных регионах появлялись свои варианты — например, пунктированные руны с дополнительными знаками для точной передачи звуков. Параллельно сохранялось и мистико-магическое восприятие рун: их использовали как обереги, наносили на оружие и украшения, включали в обрядовые формулы.

Так в истории рун сходятся две линии: одна ведёт от мифологического откровения Одина, подчёркивая их сакральную природу, другая — от практических нужд общения и памяти, показывая, как система знаков формировалась в живом контакте культур. И именно

это двойное измерение — письменность и тайный язык силы — определило особое место рун в северной традиции, где начертанный знак мог одновременно сообщать весть и удерживать в себе скрытую энергию.

Основные боги скандинавского пантеона

В скандинавской мифологии боги не похожи друг на друга — они различаются и по своему происхождению, и по характеру, и по тем сферам жизни, за которые отвечают. Древние скандинавы видели в них отражение всего, что было важно для их сурового мира: от грозных бурь и кровавых сражений до тихой радости урожая и семейного уюта. Пантеон делится на две основные группы — асов и ванов. Асы, среди которых такие фигуры, как Один, Тор и Тюр, чаще связаны с властью, войной, порядком и магией, тогда как ваны — Фрейя, Фрейр и Ньёрд — отвечают за плодородие, процветание и природные циклы. Это разделение не просто формальное: когда-то между асами и ванами шла долгая война, завершившаяся миром и обменом заложниками, что символизировало объединение двух начал — воинственного и созидательного.

Верховным среди асов считается Один, Всеотец, чья фигура воплощает мудрость, тайные знания и власть над войной и смертью. Он не просто правитель Асгарда — он искатель истины, готовый идти на жертвы ради знания: именно он пожертвовал глаз, чтобы испить из Колодца Мимира, и девять дней висел на Мировом Древе Иггдрасиль, пронзённый собственным копьём Гунгнир, чтобы постичь руны. Один собирает в Вальхалле павших воинов — эйнхериев, которые будут сражаться на его стороне в день Рагнарёка, конца мира. Он связан с магией, поэзией и пророчествами, а его спутники — вороны Хугин и Мунин («мысль» и «память») — каждый день облетают мир, принося ему вести. Но при всей своей мудрости Один не всемогущ: он знает о грядущей гибели богов, но не может её предотвратить, что придаёт его образу трагическое звучание.

Совсем иной по характеру и предназначению его сын Тор, бог грома и молний. Если Один — это власть и знание, то Тор — это сила и защита. Его молот Мьёльнир — не только оружие против великанов-ётунов, извечных врагов богов, но и священный символ, который используют в обрядах освящения и благословения. Тор — защитник Асгарда и Мидгарда, мира людей, и именно он, согласно пророчеству, сразится в последней битве с мировым змеем Ёрмунгандом. В отличие от отца, он прямолинеен, вспыльчив, но надёжен, и потому был особенно почитаем простыми людьми — ведь он защищал их от хаоса и разрушения.

Совершенно особую роль играет Локи, бог хитрости и обмана, который не принадлежит к асам по рождению, но живёт среди них. Он — трикстер, нарушитель порядка, источник многих бед, но и незаменимый помощник богов. Именно благодаря его изворотливости у богов появились их главные сокровища — молот Тора, копьё Одина, корабль Скидбладнир и другие. Но его коварство в конечном итоге приведёт к Рагнарёку: именно он станет отцом чудовищ — волка Фенрира, змея Ёрмунганда и богини смерти Хель, — и именно он убьёт Хеймдалля в последней битве. Локи непредсказуем, он может быть и другом, и врагом, и в этом его уникальность: он олицетворяет ту хаотичную, неуправляемую стихию, которая всегда присутствует в мире рядом с порядком.

Женская половина пантеона не менее важна. Фригг, супруга Одина, — богиня семьи, брака и домашнего очага. Она обладает даром предвидения, но, в отличие от мужа, не делится своими знаниями с другими, храня их в тайне. Её образ воплощает женскую мудрость, заботу и стойкость. Совсем другая по характеру Фрейя — богиня из рода ванов, связанная с любовью, красотой, плодородием, но также и с войной и магией. Она забирает часть павших воинов в свой чертог, отдельно от Вальхаллы, и владеет волшебным ожерельем Брисингамен. Фрейя способна на сильные чувства и страдания — её тоска по пропавшему мужу Оду отражает человеческую сторону божественного.

Её брат Фрейр — бог мира, урожая и процветания, покровитель земледельцев и мирных времён. Он олицетворяет летнее солнце, изобилие и радость жизни, и его благосклонность

необходима для плодородия земли. В его владении находится чудесный корабль Скидбладнир, который можно сложить, как ткань, и волшебный золотой вепрь, но в Рагнарёке ему суждено погибнуть, не имея оружия, способного противостоять огненному великану Сурту.

Есть среди богов и те, чья роль связана с порядком и справедливостью. Тюр, однорукий бог воинской доблести, известен своей честностью и готовностью к самопожертвованию: он добровольно дал откусить себе руку волку Фенриру, чтобы того смогли сковать. Его имя связано с понятиями закона и честного поединка, и он почитался как покровитель воинов, для которых честь была превыше всего.

Хеймдалль, страж богов, стоит на мосту Биврёст, соединяющем Асгард и Мидгард, и охраняет его от вторжения великанов. У него острый слух и зрение, и именно он протрубит в рог Гьяллархорн, возвещая начало Рагнарёка. Бальдр, светлый бог красоты и чистоты, любим всеми, но его трагическая гибель, вызванная хитростью Локи, становится первым шагом к концу мира. А Идунн, хранительница золотых яблок, дарующих богам вечную молодость, напоминает о хрупкости их бессмертия: без её дара боги быстро состарились бы и ослабли.

Таким образом, каждый из скандинавских богов несёт в себе определённую идею, отвечает за свою сферу бытия и воплощает ту или иную сторону жизни. Они не идеальны — они ссорятся, обманывают, страдают, но именно эта человечность делает их близкими и понятными. Их судьбы переплетены, их действия ведут мир к неизбежному концу, но в этой трагедии есть и надежда: после Рагнарёка мир возродится, и вместе с ним — новые возможности. Всё это вместе создаёт сложную, многогранную картину мира, где боги, как и люди, борются, любят и ищут своё место в вечном круговороте бытия.

Вот краткое описание, за что отвечает каждый бог: Один — бог мудрости, поэзии, магии и смерти. Тор — бог грозы и храбрости. Локи — бог лжи и хитрости, не является асом официально. Мимир — страж Колодца Мудрости, не всегда считается асом официально. Фригг — богиня брака, семьи, домашнего очага и дождя. Сиф — богиня изобилия и зерновых культур. Идунн — хранительница Яблок Вечной Молодости. Бальдр — бог молодости и света (мёртв). Хеймдалль — сторож богов, страж моста Биврёста. Тюр — хранитель закона и справедливости. Хёнир — бог прорицания и мистики. Браги — бог музыки. Улль — бог славы, охоты и катания на лыжах. Нанна — богиня радости и мира. Фрейя — богиня красоты, любви, золота, смерти и магии. Фрей — бог лета, процветания, мира и счастья. Ньорд — бог морей, богатства, ветров и рыбалки. Нерта — богиня плодородия, урожая и мести. Гульвейг — трижды перерождённая, богиня алхимии и чародейства.

Подношения скандинавским богам

Подношения приносят богам, духам мест и предкам не в качестве платы, а как знак уважения и для установления либо поддержания связи. В северной традиции отсутствует представление о том, что боги принимают жертвы; в качестве подношений используют хлеб, пиво, яблоки, ракушки, ленты и иные подобные предметы.

В дохристианской Северной Европе такие подношения были составной частью общественной жизни. Считалось, что они поддерживают миропорядок и служат выражением признательности за урожай, победы, здоровье и удачу. При совершении подношения придерживались ряда принципов. Подношение не рассматривалось как плата за помощь; отношения с божествами не строились по принципу обмена. Намерение, с которым совершался обряд, считалось важнее самого предмета дара; при этом предпочтение отдавалось скромным, но осмысленным дарам, а не дорогостоящим вещам. Запрещалось оставлять после обряда любой мусор, обломки, нечистые отбросы — любое то, что нарушало чистоту избранного места.

Порядок совершения подношения складывался из последовательных действий. Сначала определяли цель обряда — благодарность, просьба о помощи, почитание памяти или восстановление равновесия. Затем выбирали силу или божество, соответствующее поставленной задаче. Далее подбирали дар, соотносимый с характером этой силы и возможностями приносящего. Для обряда отводили определённое место: в качестве такового могли выступать природный объект (дерево, камень, водоём), домашний очаг либо перекрёсток. Во время ритуала произносили слова обращения — называли имя силы, обозначали цель подношения и выражали благодарность. Дар оставляли с соблюдением должных правил, не допуская небрежности. После совершения подношения наблюдали за знаками, которые расценивали как ответ высших сил. К числу таких знаков относили поведение птиц, направление и силу ветра, содержание снов, а также внутренние ощущения человека. Подобные наблюдения не считались гаданием; их понимали как чтение знаков в общем потоке жизни. За полученный ответ полагалось выражать благодарность независимо от того, насколько явным он был. В фольклорных представлениях смысл blót состоял в поддержании взаимного обмена уважением и силой, в закреплении места человека в общей картине мира и в сохранении устоявшегося порядка вещей.

Фрейя

Что подойдет в качестве подношения Богам:

Одину принято нести в дар мёд и хмельные медовые напитки, такие как брага, дополняя подношение тёмным хлебом и сытной овсяной кашей. Уместны будут перья ворона или орла, а также руны, свитки или книги — они служат знаком почтения к его великой мудрости. Не лишними окажутся благовония из полыни и можжевельника и миниатюрное оружие — к примеру, нож или стрела либо их изображение. Ритуал стоит проводить при свете свечи или у костра: прочесть стихотворное обращение и оставить дары под ясенем или дубом.

Тору по сердцу придутся пиво, квас и крепкие напитки, а также мясные угощения — говядина, баранина, копчёности. В дар ему кладут железные вещицы, будь то гвоздь, небольшой нож или подкова, дополняют подношение красными яблоками и орехами. В ходе обряда зажигают огонь и произносят слова о защите, сравнивая её с ударом молнии. Совершать действие лучше на свежем воздухе, возле камня или дуба, громко озвучивая просьбу о покровительстве.

Локи порадуют острые специи — перец и горчица, — а также сладости вроде мёда, карамели и пряников. Ему угодны разноцветные нити, маски и зеркала, а ещё небольшие шуточные дары, например забавная фигурка или записка с каламбуром. Огонь — будь то свеча или костёр — подчёркивает его своенравную природу. Ритуал при этом не требует торжественно-

сти: он должен оставаться лёгким и ироничным, а дары можно оставить на перекрёстке или у пламени, сопроводив простой фразой о смехе и пользе.

Мимиру принято приносить чистую воду, лучше всего из природного источника, а в качестве даров подойдут серебряные монеты или бусины, а также камни с отверстиями. Можно вложить записки с вопросами — их опускают в воду или зарывают у дерева. Благовония из ладана и сосны дополняют обряд, который стоит совершать у ручья или озера: тихо задать вопрос и внимательно вслушаться в безмолвие.

Фригг радуют дарами, связанными с домашним очагом: молоком, сливками и сливочным маслом, пряжей, тканями и вышитыми салфетками. Подношение украшают белыми или жёлтыми цветами, дополняют домашними хлебцами и пирогами, а ключи кладут как символ уюта и надёжного семейного лада. Ритуал устраивают в доме, возле очага или на подоконнике, искренне благодаря богиню за заботу о семье.

Сиф ублажают дарами полей — колосьями пшеницы, ржи или овса, хлебом, лепёшками и мешочком с зерном. К ним добавляют золотые нити или бусины и зелёные ленты, подчёркивая связь с плодородием. Обряд проводят в поле или у плодового дерева, закапывая немного зерна и произнося пожелание щедрого урожая.

Идунн угощают свежими яблоками либо сидром, кладут мёд и медовые лепёшки, дополняют подношение зеркалами и другими блестящими вещами, украшают белыми и розовыми цветами. Ритуал совершают под яблоней или возле зеркала, высказывая пожелания здоровья и долгих лет, тем самым отдавая дань её власти над молодостью и жизненной силой.

Бальдру несут белые цветы — ландыши и лилии, — ставят молоко и мёд, зажигают белые или золотые свечи. В дар кладут детские игрушки или фигурки лебедей, подчёркивая чистоту и свет, связанные с его образом. Обряд исполняют тихо и почтительно, оставляя дары у воды или на возвышенности и произнося простые слова памяти и уважения.

Хеймдаллю в знак почёта кладут соль — она символизирует чистоту и границу, ставят миниатюрный рог или его изображение, дополняют кристаллами кварца и прозрачными камнями. Звон колокольчика или бубна усиливает смысл подношения. Ритуал проводят у порога жилища или на холме: издают звон и обращаются с просьбой о надёжной защите.

Тюру угодны острые предметы — нож, сувенирный меч или стрела, — а также красные ткани и ленты, пиво и крепкий чай. В качестве даров подходят камни правильной формы, например кварц или кремнь. Во время обряда важно чётко сформулировать клятву или просьбу о справедливости, оставив дары возле камня как знак твёрдости намерений.

Хёниру приносят простые, но значимые дары: камень, перо или лист, ставят чашу с водой, воскуривают шалфей и лаванду. Руны или знаки, вырезанные на дереве, дополняют подношение. Ритуал держат в полной тишине: задают вопрос и стараются расслышать отклик внутри себя, доверяя тихому голосу интуиции.

Браги услаждают мёдом и сладкими напитками, кладут перья для письма и красивые листы бумаги, добавляют музыкальные инструменты — свирель или бубен. Но главным подношением становятся звучащие стихи и песни, исполненные вслух и посвящённые богу: именно слово и мелодия раскрывают суть дара.

Уллу дарят декоративные стрелы, кожаные вещи — ремень или мешочек, — приносят орехи и сушёное мясо. Зимой можно слепить из льда или снега небольшую фигуру и оставить в лесу. Обряд проводят на открытой местности или среди деревьев, выражая благодарность за удачу в пути и стойкость в испытаниях.

Нанне угодны сладости — мёд, печенье и фрукты, — полевые цветы нежных тонов, детские поделки и рисунки. Мягкая ткань из шерсти или льна станет тёплым и душевным дополнением к подношению. Ритуал сопровождают улыбкой и искренними словами о мире и радости, отдавая дань её светлой и умиротворяющей силе.

Фрейе преподносят золото, янтарь и медные украшения, розы и лаванду, мёд и сладкие вина. Ароматические масла с запахом розы и иланг-иланга, зеркала, браслеты и бусы подчёркивают её связь с красотой и магией. Обряд совершают при свечах, обращаясь с просьбой о любви или магической поддержке и оставляя дары под деревом, особенно под бузиной.

Фрею радуют свежими фруктами и ягодами, зелёными лентами и листьями, медными монетами. Фигурки оленя или кабана символизируют его власть над природой и изобилием. Ритуал проводят в саду или лесу, выражая искреннюю признательность за щедрые дары земли и покровительство в делах плодородия.

Ньорду несут рыбу и морские водоросли, дополняют подношение ракушками и морскими камнями, подчёркивая его власть над водной стихией. Обряд устраивают у воды или морского берега, произнося слова благодарности за дары моря и прося о благосклонности в пути по волнам.

Современный рунический алтарь

В практике современной северной традиции, которую часто называют «норвежской» или просто северным ведовством (в англоязычной среде закрепился термин *Norn-craft*, от слова *Norn* — Норна), магия давно вышла за пределы глухих лесов. Сегодняшний практик ищет опору в древних архетипах посреди шумного мегаполиса. Рунический алтарь для него — это не музей пыльных артефактов и не просто полка с сувенирами из туристических лавок Исландии. Это живое рабочее пространство, где суровая эстетика Севера встречается с личной волей человека.

Создание такого места силы требует понимания языка стихий и уважения к богам. Ниже я приведу приблизительный пример того, как выглядит гармоничный и функциональный алтарь современного мастера рун.

Северная традиция тяготеет к природным материалам. Идеальная поверхность для алтаря — массив дерева (особенно ясеня, символа Иггдрасиля) или это может быть гладкий плоский камень. Подойдет столешница из натурального камня, их изготавливают на заказ. В условиях городской квартиры многие практики используют широкие спилы древесины на простых металлических ножках. Поверхность стола никогда не закрывается тканью полностью — энергия Севера любит с материалом. Однако под рабочим пространством часто кладут кусок небеленого льна или кожи, руническое полотно.

Центр алтаря всегда остается свободным во время ритуала. Это место предназначено для живого огня свечи или главной рабочей руны дня.

Изображения богов: Пантеон без суеверий Современные практики редко выставляют на стол весь пантеон сразу. Алтарь обычно делится на две зоны — женскую и мужскую, либо фокусируется на одном божестве, чья сила необходима здесь и сейчас. Важно понимать: речь идет не об идолопоклонничестве, а о работе с архетипами через символы.

Если алтарь настроен на любовь, магию сейда, процветание и творческую энергию, центральное место занимает ее образ. Это может быть фигурка кошки (священного животного Фрейи), крупный кусок необработанного янтаря (символ застывших слез моря и солнечного света) или изящная подвеска. Рядом с символом обязательно ставится пустая медная чаша для возлияний — меда, сладкого вина или молока. Для работ, связанных с мудростью, прорицанием и самопознанием, выбирается облик Одина. Вы можете поставить статуэтку Одина, дополнить стол двумя черными перьями воронов Хугина и Мунина по краям алтаря, и деревянной плашкой с вырезанной руной Ансуз (уста бога). Подношения Одину — крепкий темный эль, качественное мясо или хлеб, выложенный на простую деревянную доску.

Главное правило современного алтаря: образы богов должны быть лаконичными. Чем проще материал — базальт, обожженная глина, мореный дуб — тем сильнее он резонирует с силой северных богов.

Для базовой настройки рабочего пространства используется классическая сила четырех стихий, адаптированная под северный миф:

Огонь (Муспелльхейм): Сердце алтаря. Вместо церковных свечей используются восковые изделия темно-красного, угольно-черного или молочного цвета. Огонь также представляет рабочий ритуальный нож (атам) или кремневый кресало, лежащий рядом со свечой.

Лед и Воздух (Нифльхейм): Север олицетворяет ясность ума, холодный расчет и смерть эго. Символом служит кристалл горного хрусталя, кварц или даже кусочек настоящего льда. Воздух представляют перья ворона или полярной совы, привязанные черной нитью к ветке ясеня. Все это можно приобрести в любом маркетплейсе, где есть специальные магазинчики для любителей оккультизма.

Земля (Мидгард и Свартальфхейм): Основа стабильности. На алтаре обязательно присутствует горсть земли, собранной лично практиком в месте силы, или щепоть морской соли. Также символом земли выступает тяжелая каменная ступка с пестиком для измельчения защитных трав. Из металлов здесь правит железо.

Вода (Ванахейм): Поток времени, интуиция и плодородие. Вода находится в тяжелой керамической или металлической чаше. Часто туда добавляют несколько капель можжевелового масла и бросают в чашу с водой девять мелких речных камней. Я привезла с собой камни с моря, которыми украшаю алтарь.

Магические атрибуты и инструменты. Поверхность стола вокруг символов стихий заполняется рабочими инструментами. Хаоса на алтаре быть не должно — каждый предмет знает свое строго отведенное место.

Рунический набор: главный инструмент рунолога. Руны не хранятся вперемешку с остальным инструментарием. Они лежат в отдельном мешочке из черной кожи или домотканого полотна прямо по центру алтаря. Можно в шкатулке из дерева, у меня именно такой набор. Во время гадания они высыпаются на свободное пространство между символами стихий. Ритуальный рог или кубок используется вместо классических кубков викканской традиции. В него наливается напиток для благодарственного возлияния богам после завершения работы. Рог может быть настоящим бычьим или стилизованным металлическим, украшенным простой вязью из рун Лагуз (поток) и Эйваз (мировое древо). Котел: небольшой чугунный котелок. В нем сжигаются записки с намерениями, варятся простейшие зелья из полыни и тысячелистника или смешиваются чернила для нанесения временных ставов хной. Без такого котелка очень трудно практиковать магию, когда требуется постоянная активация рун огнем. Графическая магия — душа северной традиции. На стене за алтарем или на специальной деревянной доске висят нарисованные защитные символы: Шлем благоговения (Эгишьялмур) для сокрытия своей работы от посторонних глаз или Крест Тора для заземления избыточной энергии.

Теперь поговорим про подношения (Блот). Современный практик делает подношения экологично и уважительно. Никто не оставляет еду на дереве до появления плесени. Мясо съедается самим человеком после ритуала (часть символически «делится» с богом надрезом), вино выпивается, а хлеб разламывается и оставляется птицам на улице. На сам алтарь для кратковременного присутствия ставятся только те дары, которые не испортят дерево: свежесваренный кофе, сигара для Локи или живые полевые цветы для Фрейи. После короткой молитвы предметы убираются, оставляя алтарь чистым и готовым к новой работе.

Такой алтарь становится живым организмом. Он меняется вместе с луной и сезонами. Йоля: неплохо иметь календарь праздников рядом с алтарем.

Рунические талисманы и создание рун

В эпоху викингов люди стремились оградить себя от враждебных сил и притянуть благоприятные стечения обстоятельств, потому в обиходе прочно укоренились различные предметы-талисманы, наделённые в глазах общины защитным и магическим смыслом. Одним из самых распространённых оберегов считался молот Тора — Мьёльнир: его миниатюрные подвески из железа, бронзы, серебра, а порой и из камня носили на шнурах и цепочках и мужчины, и женщины, видя в этом символе надёжную преграду от чудовищ и разрушительных влияний. Не менее значимым знаком был валькнут — три переплетённых треугольника, связываемые с фигурой Одина и с воинской судьбой; этот узор можно встретить на элементах снаряжения, где он служил для укрепления духа и напоминания о неизбежности выбора перед лицом опасности. В ряду защитных символов находился и Агисхьяльм, или Шлем Ужаса, — сложный знак, в основе которого лежали рунические элементы; его предназначение состояло в том, чтобы подавлять волю противника и создавать вокруг носителя невидимый барьер. К числу талисманов, ориентированных не только на битву, но и на жизненное благополучие, относились образы, связанные с плодородием и покровительством богов: например, стопа Ньорда, соотносимая с удачей в промысле и плавании, либо золотой вепрь, воплощавший силу и процветание Фрейра. Отдельную группу составляли знаки, призванные поддерживать человека в пути и в преодолении границ миров: изображение корабля викингов служило оберегом для мореходов, сокол связывался с покровительством Фрейи и с ясностью намерения, а такие символы, как трэфот (трискелион), выражали идею движения сквозь три сферы бытия и помогали удерживать равновесие в переломные моменты жизни.

Для создания рунических талисманов подбирали носители, способные удержать начертанный знак и передать его направленность. Наиболее привычным и широко распространённым материалом было дерево: именно с древесиной тесно связана сама терминология традиции — слово, обозначающее палку или посох, нередко становилось синонимом рунического знака, подчёркивая изначальную практику вырезания символов на небольших дощечках и палочках. Для амулетов отдавали предпочтение ясеню, дубу, клёну или сосне, причём ясень в мифологических представлениях выделялся особой сакральностью. Помимо дерева, руны наносили на кость и рог, где твёрдость основы позволяла сохранять чёткость линий, а также на камень — прежде всего в виде памятных и пограничных знаков, где надпись должна была противостоять времени. Металл служил носителем для тех талисманов, которым требовалась особая стойкость и зримая весомость: рунические формулы появлялись на оружии, застёжках, подвесках и деталях конской упряжи. В отдельных случаях знаки не вырезали, а рисовали, однако такие способы фиксации оказывались недолговечными и применялись преимущественно для временных обрядовых целей.

Техника вырезания рун опиралась на практические соображения и на устоявшиеся приёмы ремесла. Сам процесс именовался словами, восходящими к древнегерманскому *wrotu* («вырезаю») и к древнеисландскому *rístan* («вырезать»), причём эти термины указывали не просто на письмо, а на действие, требующее мастерства и собранности. Для работы по дереву применяли ножи, резцы и иглообразные инструменты, которые могли изготавливаться из кости, камня, а также из цветных металлов — меди и латуни; при создании крупных надписей на камнях сначала обтёсывали поверхность топором или кайлом, а затем с помощью молотка и долота прорезали контуры знаков. Существенной особенностью было то, что руны старались наносить поперёк древесных волокон: такой приём позволял линиям оставаться разборчивыми и не теряться в текстуре материала. При этом мастера избегали чрезмерного количества прямых углов, поскольку на дереве такие элементы легко расщеплялись и утрачивали чёткость. Нередко вырезанные знаки дополнительно окрашивали, используя контрастные по отношению

к фону цвета — красный, чёрный, белый; подобная окраска имела не только утилитарную задачу выделить символы и разграничить слова, но и воспринималась как часть магической работы, усиливающая действие начертанного. От точности и сосредоточенности мастера зависело, насколько полно знак сможет удерживать вложенную в него направленность, поэтому вырезание рун считалось делом, требующим не только ремесленных навыков, но и внутренней дисциплины, ведь в традиции начертанный символ мыслился не просто как метка, а как форма, способная влиять на ход событий.

Создание рун из дерева — это процесс, в котором технический навык неразрывно сплетается с внутренней работой и энергетикой мастера. К этому нельзя подходить с холодным сердцем или в состоянии душевного разлада. Идеальный момент для творчества наступает тогда, когда вас наполняет спокойствие и умиротворение. Важно полностью погрузиться в работу, отбросив суету и желание поскорее увидеть готовый результат. Работа над набором рун не терпит конвейерного подхода: создание полного комплекта за один присест лишит вас возможности вдумчиво проработать каждый символ. Чтобы настроиться на нужный лад, можно использовать дыхательные практики, медитацию или просто насладиться тишиной под звуки природы, полностью изолировавшись от внешнего шума.

Выбор древесины определяет не только внешний вид и долговечность будущего инструмента, но и его сакральную «окраску». Традиционно для рун выбирают твердые, плотные породы, способные веками хранить нанесенные знаки. Классическими вариантами считаются ясень, дуб и бук. В скандинавской традиции ясень почитался как мировое дерево, дуб ассоциировался с несокрушимой мощью, а плодовые деревья (яблоня, вишня) несли в себе энергию жизни и цикличности природы. Следует избегать сучковатой, сырой или поврежденной грибом древесины. Заготовки представляют собой небольшие плашки толщиной около 5—10 мм и длиной 3—5 см, которые перед резьбой необходимо тщательно отшлифовать до идеальной гладкости.

Арсенал инструментов для этой тонкой работы должен быть безупречно острым и надежным. Основу составляют резак по дереву (ножи-косяки) и набор стамесок разной ширины: узкая — для гравировки тонких линий, широкая — для выборки основного массива фона. Инструменты из мягкой стали будут сминать волокна твердого дерева, поэтому экономить на их качестве нельзя. Для удобства и безопасности работы необходим фиксатор: трафарет из толстого картона с отверстием по форме плашки. Он жестко удерживает заготовку на столе, позволяя рукам свободно манипулировать резцами. Завершают набор мелкозернистая наждачная бумага для финишной шлифовки, тончайшая кисть и натуральное масло (тунговое или льняное) для финальной пропитки.

Техника резьбы начинается с точной разметки контура руны карандашом на поверхности дерева. Затем по этим линиям проходятся стамеской, прорезая неглубокую канавку (0,5—1 мм), которая служит страховкой от случайных сколов по краям символа. Ключевой этап — выборка фона. Удерживая стамеску под углом примерно 45 градусов к плоскости плашки, мастер делает аккуратный срез от границы контура к центру будущего углубления. Сначала движение выполняется с одной стороны линии, затем — зеркально с другой. В результате между двумя срезами образуется ровная лунка с плоским дном. Глубина этого рельефа определяет выразительность символа. После грубой выборки резак производит ювелирную доводку: срезаются все заусенцы, выравниваются стенки и дно лунки до идеальной гладкости.

Финальная обработка придает рунам законченный вид и защищает их от внешних воздействий. Чтобы подчеркнуть рельеф, углубления часто окрашивают акриловой краской с помощью самой тонкой кисти, строго следя за тем, чтобы пигмент не вышел за пределы символа. Завершающим аккордом служит пропитка маслом: оно проникает в структуру дерева, слегка затемняет его оттенок, придает благородный матовый блеск и делает поверхность приятной на ощупь. Готовые руны принято хранить в специально сшитом мешочке из натуральных

тканей (льна или хлопка), что является не просто данью традиции, но и способом сохранить их энергетику в чистоте. Инструменты для резьбы рун должны быть индивидуальными и не использоваться для других нужд.

Метод выжигания рун представляет собой альтернативный путь нанесения сакральных знаков. Этот способ неразрывно связан с огненной стихией, и сам процесс создания символа часто рассматривается как его мгновенное пробуждение. По сравнению с резьбой, пирография (выжигание) позволяет работать быстрее и безопаснее, а результатом становится выразительный контраст между темным, обугленным знаком и светлым фоном дерева.

В качестве рабочего инструмента выступает пирограф — аппарат для выжигания по дереву. Мастера обычно выбирают между двумя основными конструкциями. Более простые и доступные модели напоминают по устройству паяльник, где нагревательный элемент встроен в ручку. Профессиональные же приборы оснащены внешним блоком питания с регулятором температуры, что дает возможность гибко настраивать мощность для разных пород древесины: снижать её для мягкой липы, чтобы избежать глубоких вмятин, или повышать для твердого дуба, чтобы получить насыщенный черный цвет.

Технологический цикл начинается с подготовки заготовки. Поверхность плашки должна быть идеально гладкой и сухой. На неё карандашом наносится контур будущего знака. Этот этап требует предельной внимательности, поскольку стереть или исправить выжженную линию уже не получится. Когда разметка завершена, мастер приступает к основной фазе.

Раскаленное жало пирографа ведут по начерченной траектории с равномерным нажимом. Ключевым фактором успеха является поддержание стабильной скорости: медленное движение приведет к некрасивому, глубокому прожогу с обугливанием краёв, а слишком быстрое — к бледному, едва заметному следу. Движения должны напоминать уверенный росчерк пера. Угол наклона инструмента к поверхности также влияет на эстетику: для получения классической линии жало держат строго вертикально.

После того как все символы нанесены, изделию необходимо дать остыть. Горячее дерево становится хрупким, и любая обработка может повредить свежую работу. Завершающая стадия — это финишная отделка. Сначала поверхность очищается от нагара и древесной пыли. Чтобы сделать руны более выразительными, фон вокруг них можно слегка зачистить мелкозернистой наждачной бумагой («нулевкой»), осветлив его. В качестве финального штриха заготовку пропитывают натуральным маслом (льняным или тунгвым), что защищает древесину от внешних воздействий и придает ей законченный вид.

Ключевым понятием в подборе дерева для изготовления рун является разделение деревьев по типу излучаемой ими энергии на «мужские» и «женские». Это нужно учитывать при выборе. «Мужские» деревья являются генераторами активной, структурирующей и центрирующей силы. Их энергия — это энергия Солнца, действия и защиты. Они дают импульс к свершениям, укрепляют волю и физическое тело. Общение с ними бодрит и заряжает на борьбу. Ярчайшим представителем этого типа является Дуб — неоспоримый монарх лесов, чья мощь и долголетие неразрывно связаны с образом бога-громовника Тора. Дуб отдает предпочтение сильным, здоровым людям, воинам и борцам, делясь с ними частицей своей несокрушимой жизненной силы. Вяз также относится к этой категории, являясь воплощением истинной мужской стойкости, чести и опоры; он поддерживает тех, кто не сдается перед трудностями. «Женские» деревья, напротив, выступают в роли принимающих, исцеляющих и интуитивных сил. Их энергия — это энергия Луны, циклов жизни, смерти и возрождения. Они дарят покой, лечат душевные раны и помогают обрести внутреннюю гармонию. Береза — архетип нежной защитницы и символ новой жизни. К ней обращаются за утешением и восстановлением сил ослабленные и больные люди. Ива — воплощение глубокой женской магии, подчиняющейся законам равновесия природы. Яблоня же ассоциируется с вечной жизнью, чувственностью и магией любви.

Каждая порода древесины несет свой уникальный набор качеств, который напрямую влияет на характер рун:

Ясень (Иггдрасиль). Как Мировое Древо, он служит осью мироздания, соединяя все планы бытия. Это универсальный материал для любой магии, но особенно для прорицания и создания мощных защитных амулетов. Ясень помогает осознать свое предназначение.

Дуб. Символ абсолютной стабильности и физической мощи. Руны из дуба — это якоря для заклинаний на успех, защиту и достижение конкретных целей. Это дерево сурового действия.

Береза. Идеальный выбор для работы с темами семьи, здоровья и плодородия. Ее мягкая сила снимает стресс и возвращает душевное равновесие.

Орешник. Древо высшей мудрости и справедливости, посвященное Одину. Его древесина помогает обострить разум, найти объективную истину и принять верное решение.

Сосна. Проводник спокойствия и духовного озарения. Она очищает энергетическое поле от негатива и помогает найти ответы на главные вопросы в тишине ума.

Рябина. Мощнейший оберег от любого враждебного колдовства. Также она развивает дар предвидения.

Эти природные силы вплетены в саму ткань скандинавской мифологии, где у каждого великого божества есть свое древо-союзник:

Один, владыка рун и магии, неразрывно связан с **Яснем**, на котором висел ради обретения мудрости, и с **Орешником**, из которого делают жезлы прорицателей.

Могучий **Тор** находит свое отражение в несокрушимом **Дубе**, который служит ему природным тотемом.

Прекрасная **Фрейя**, покровительница любви и сейда, ассоциируется с женственной **Рябиной** (чье ожерелье Брисингамен напоминает ее гроздь) и таинственной **Бузиной**.

Хранительница вечной юности **Идунн** неразрывно связана с плодоносящей **Яблоней**.

Бдительный страж **Хеймдалль** черпает свою силу в светлой **Сосне**, символизирующей разгоняющий тьму свет прозрения.

Таким образом, создавая рунический набор, мастер не просто изготавливает инструмент. Он выбирает себе проводника из мира природы, чей характер будет вплетен в каждую изготовленную руну, определяя вектор и мощь всей последующей работы.

Разновидности посвящений в северную традицию

Чем занимаются рунологи? Это зависит от уровня их посвящения в традицию.

Рунологи анализируют и расшифровывают значение рун в раскладах, амулетах, ставах. Рунологи гадают на рунах, — отвечают на вопросы клиентов через трактовку выпавших символов. Они создают и активируют рунические формулы (ставы, обереги) для решения конкретных задач: защита, привлечение ресурсов, гармонизация отношений. Рунологи консультируют людей по различным вопросам в повседневной жизни, помогая с помощью древних символов предсказать будущее, улучшить настоящее и осознать скрытые возможности. Они проводят ритуалы — активируют и деактивируют руны. В северной традиции магия распадалась на разные русла, каждое со своим языком, инструментами и местом в жизни общины. Потому и фигуры, связанные с тайным знанием, заметно отличались друг от друга: эриль, варлок, сейдкана, вэльва и скальд владели разными ключами к невидимым слоям мира, и их способности редко смешивались без последствий.

Эриль был мастером рун и «Слов Силы». Его магия строилась на осязаемой форме: он вырезал знаки на дереве и камне, составлял защитные надписи, создавал амулеты, где каждая чёрточка имела вес и направление. Он знал, как через начертание повлиять на ход событий — укрепить щит, «запереть» опасность, направить удачу в путь воина. Его работа была сродни кузнечному делу: требовала точности, терпения, умения держать границы. В древнескандинавских текстах эриль предстаёт как мужская фигура: термин *erilaz* и его ранние формы (V—VIII века) прочно укоренены в мужском ритуальном и социальном пространстве. В сагах и законах именно мужчины чаще всего выступают как создатели рунических надписей и хранители формул; они действуют в публичной сфере, где магия становится видимой через предмет — начертанный знак, амулет, охранный вязь на носу корабля. При этом важно понимать: речь идёт не о «запрете» для женщин, а о сложившемся разделении ролей и о том, как традиция фиксирует заметные, общественно значимые практики. Находки рунических амулетов в женских погребениях показывают, что женщины могли владеть прикладным знанием рун — использовать их для защиты дома, в лечебных целях, в бытовых оберегах. Но статус эриля как профессионального мастера рунической магии подразумевал иную степень вовлечённости: это была публичная, ремесленная, «письменная» магия, требовавшая признания общины и передачи особых навыков. В современной практике понятие нередко расширяют, называя эрилем любого компетентного знатока рун, однако в рамках исторической традиции этот титул оставался связан с мужским ритуальным пространством и конкретными социальными функциями.

Варлок в северной традиции — фигура более сумрачная и неоднозначная. Его сила нередко строилась на пограничных состояниях и запретных приёмах: он мог насыщать мороки, сбивать путников с дороги, «запутывать» сознание, вызывать страх и усталость у врагов. В отличие от эриля, который закреплял порядок через форму и слово, варлок умел размывать границы — наводить иллюзии, менять восприятие, делать так, чтобы человек видел то, чего нет, или не замечал того, что перед глазами. В ряде источников этот путь связывали с опасными практиками, за которые человека могли изгнать из общины. Для мужчин, обращавшихся к подобным техникам, существовали особые социальные риски: часть приёмов, особенно те, что перекликались с сейдом, считалась постыдной, поскольку нарушала принятые нормы поведения и «правильную» маскулинность.

Сейдкана была практиком сейда — ритуального транса, через который открывались потоки будущего и возможности влиять на умы и судьбы. Её сила выражалась не в начертанных знаках, а в изменённом состоянии сознания, в умении «выходить» за пределы обыденного восприятия и видеть то, что скрыто. В обряде она могла направлять волю на большие группы людей, менять ход событий через тонкие воздействия, создавать образы и предчувствия, кото-

рые затем воплощались в реальности. Сейдкона владела голосом как инструментом: песнопения, ритмические формулы, особое дыхание помогали удерживать нужное состояние. Её работа была тесно связана с женским ритуальным пространством, хотя технически отдельные мужчины тоже могли осваивать элементы сейда; однако для них это несло серьёзную социальную стигму, поскольку сейд воспринимался как практика, «меняющая» статус человека и выводящая его за пределы привычных ролей.

Вёльва стояла на стыке миров и говорила от имени высшей воли. Её дар — прорицание, способность видеть переплетения судеб и называть грядущее так, чтобы оно обрело вес закона. В «Прорицании вёльвы» из «Старшей Эдды» она вещает об истории мира от сотворения до Рагнарёка, и её речь звучит как голос самой памяти рода. Вёльва не просто предсказывала: она задавала направление, помогала общине выбрать путь, удерживала равновесие между хаосом и порядком. Её главным атрибутом был жезл (*völfr*), через который она вела ритуал и направляла силу. Вёльву уважали и побаивались одновременно: её слово могло повлиять на решения тинга, а её присутствие на границе миров напоминало людям о том, что есть силы старше человеческой воли.

Скальд, в свою очередь, владел магией слова иного рода. Его стихи не всегда выглядели как «колдовство» в привычном смысле, но в северной картине мира слово обладало вещественностью: сказанное становилось частью реальности, закрепляло славу или позор, могло возвысить героя или низвергнуть конунга. Скальд создавал драпы и ниды — хвалебные и хулительные песни, каждая из которых действовала как формула. Через ритм, кеннинги и точные образы он формировал восприятие событий, задавал им смысл и «вес». Его сила была публичной и политической: удачный стих мог принести покровительство, неудачный — вызвать вражду. В отличие от вёльвы, чей голос звучал из транса и вечности, скальд говорил из истории и славы, превращая настоящее в эпос.

Почему же возникает вопрос о женщинах-эрилях? Я столкнулась с мнениями, которые выражали мысль о том, что и мужчинам, и женщинам доступно любое руническое посвящение, которое они выберут. Но это не так. Ни один уважающий себя мужчина не станет практиковать сейд. Это только женская магия. Также мужчины, по своей природе, не могут быть вельвами и делать прорицания, эта магия — удел женщин. Это не значит, что мужчина не может воспользоваться рунами для того, чтобы погадать на них. Это значит, что в ритуальной северной традиции он будет идти путем скальда, эриля или варлока. Дело в том, что традиционное разделение сфер магии — руническая практика как «мужская», сейд как «женская» — не означает полной непроницаемости границ. Жизнь всегда сложнее схем: женщины могли осваивать руны для бытовых и защитных целей, мужчины — обращаться к трансовым практикам. Однако различие касалось не столько пола, сколько характера действия и общественного признания. Эриль работал с формой и законом, его магия была «письменной» и публичной; сейдкона и вёльва действовали через изменённое сознание и пророческий голос, их сила была текучей и личной. Скальд же превращал слово в реальность, а варлок размывал границы восприятия, балансируя на опасной грани.

Именно эта многоголосица магических ролей делает северную традицию такой объёмной: здесь нет единого «мага», есть разные способы взаимодействия с силой, каждый со своими правилами, рисками и наградами. И когда источники почти не упоминают женщин-эрилей, это не столько запрет по природе, сколько отражение того, как общество фиксировало значимые, публичные практики: в роли мастеров рун и создателей защитных надписей традиция чаще видела мужчин, тогда как женщины проявляли тайное знание в иных формах — в трансе, пророчестве, в умении удерживать мир на грани распада. В современности границы понятий расширяются, но чтобы понять суть каждой фигуры, важно различать, что в традиции было нормой, что — исключением, а что — позднейшей интерпретацией.

Эриль

В глухой северной деревне, где ветер свистел между бревенчатых домов, а море билось о скалы с неукротимой яростью, жил молодой эриль по имени Арвид. Он ещё не до конца овладел магией рун — искусством, которое передавалось в его роду из поколения в поколение, — но уже умел слышать их тихий шёпот, когда прикасался к камням, испещрённым древними знаками.

Однажды вечером, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, окрасив небо в багряные тона, Арвид сидел у костра и разглядывал руны, вырезанные на деревянной дощечке. Он пытался понять, как сложить их в заклинание, которое бы помогло деревне пережить грядущую зиму: запасы еды были скудными, а штормы всё чаще обрушивались на побережье.

Эриль

Он провёл пальцем по резным линиям, и вдруг руны вспыхнули тусклым синим светом. Арвид вздрогнул — такого раньше не случалось. Из огня вырвался вихрь искр, и перед ним возник образ: заснеженная долина, посреди которой стоял древний камень, покрытый рунами, которых он никогда прежде не видел. В тот же миг он услышал шёпот — не свой внутренний

голос, а чужой, древний, словно доносившийся из глубин веков. «Найди меня, — прошептал голос. — Камень ждёт». Арвид резко отдернул руку, и видение исчезло, но шёпот остался в его голове, настойчивый и требовательный, и он знал, что должен отправиться в путь. На следующее утро он сообщил старейшине о своём решении; тот нахмурился, но не стал его останавливать. «Если руны зовут, идти надо, — сказал он. — Но будь осторожен. Не вся магия добра». С этим напутствием Арвид отправился в путь: дорога вела его через леса, где деревья скрипели, словно предупреждая об опасности, и через долины, покрытые инеем даже в середине дня. На третий день пути он наконец увидел ту самую долину из видения, а в центре, словно застывший страж, стоял огромный серый камень. Арвид подошёл ближе и замер: руны на камне были вырезаны так глубоко, что казалось, будто их нанесли не резцом, а силой самой земли. Он протянул руку, чтобы коснуться одной из них, но в тот же миг из тени выступила фигура — это был старик, облачённый в плащ из волчьих шкур; его глаза светились холодным светом, а в руках он держал посох, увенчанный резной головой волка. «Ты пришёл, — произнёс старик, и его голос звучал так, словно исходил из-под толщи льда. — Я ждал того, кто услышит шёпот». «Кто ты?» — спросил Арвид, стараясь не выдать своего страха. «Я был эрилем, как и ты. Но я искал силу, которую не должен был искать. И теперь я страж этого камня», — старик указал на монолит. — «Здесь заключена магия, способная изменить мир. Но она опасна». «Почему она позвала меня?» — Арвид не отрывал взгляда от рун, которые словно пульсировали, манили его. «Потому что ты чист сердцем. Камень выбирает тех, кто не жаждет власти. Ты можешь использовать эту магию, чтобы спасти свой народ, но помни: за каждое заклинание придётся заплатить». Старик протянул посох: «Возьми. Он поможет тебе прочесть руны. Но будь осторожен: не все они говорят правду». Арвид взял посох, и в тот же миг камень засветился; руны начали двигаться, складываясь в узор, который он мог прочесть, — это было заклинание не для разрушения, а для созидания, способное наполнить землю силой, чтобы она родила урожай даже в самый суровый год. Но вместе с пониманием пришла и тяжесть: он почувствовал, как магия камня тянет из него силы, словно пытаясь поглотить его целиком. «Не поддавайся», — прошептал старик, хотя его уже почти не было видно в тумане, окутавшем долину. — «Магия — это дар, но и испытание». Арвид закрыл глаза и сосредоточился; он начал произносить заклинание, вкладывая в него не жажду силы, а любовь к своему народу, к своей земле. Руны вспыхнули ослепительным светом, и камень задрожал. Когда свет погас, Арвид упал на колени, чувствуя, как усталость сковывает его тело, но он знал, что сделал всё правильно. Старик снова появился рядом: «Ты прошёл испытание, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Теперь ты настоящий эриль». Арвид поднял голову: «А ты? Что будет с тобой?» «Моё время истекло. Камень больше не нуждается в страже», — старик начал растворяться в воздухе, словно туман под лучами солнца. — «Помни: магия рун — это не власть. Это ответственность». Когда старик исчез, Арвид понял, что теперь он один несёт эту ношу; он повернулся и пошёл обратно к деревне, зная, что впереди его ждут новые испытания, но теперь у него есть сила, чтобы их преодолеть.

Сейдкона

В углу старого дома, где стены были увешаны пучками сушёных трав, а воздух был пропитан запахом дыма и смолы, сидела сейдкона; её седые волосы, словно лунный свет, рассыпались по плечам, а глаза, глубокие и тёмные, неотрывно смотрели на пляшущие языки пламени в очаге; она сидела на резном деревянном стуле, который, казалось, помнил ещё её прабабушку — такую же сейдкону, владевшую древним искусством видеть сквозь время. Огонь трещал, будто шептал ей тайные слова; сейдкона наклонилась чуть ближе, и в вихре искр перед ней начали проступать очертания — сперва смутные, как тени на стене, а затем всё более чёткие: лица, лица тех, кто давно ушёл в мир иной, — её предки, воины и провидицы, смотрели на неё из пламени, их глаза были полны мудрости и печали. «Скажи нам...» — раздался в её голове голос, низкий и гулкий, словно доносившийся из-под толщи воды; это был голос её деда, павшего в битве много лет назад. — «Скажи, что ждёт наш народ?» Сейдкона закрыла глаза, позволяя потоку видений унести её дальше; она увидела дым, поднимающийся над деревнями, блеск мечей в лунном свете, крики, заглушаемые рёвом ветра, но затем картина изменилась: дым рассеялся, и на поле битвы, усеянном телами, взошло солнце; она увидела, как люди, уставшие, но живые, обнимаются, как поднимают вверх оружие не для того, чтобы ударить, а чтобы отпраздновать. Она открыла глаза, и её голос, тихий, но твёрдый, разнёсся по комнате, словно ветер, пробирающийся сквозь щели в стенах: «Слушайте же слово моё! Война, что терзает наши земли, закончится. Тьма отступит перед светом, и мы победим. Не потому, что мы сильнее, а потому, что в наших сердцах живёт надежда. Те, кто пал, не зря пролили свою кровь. Их жертвы не будут забыты». Лица в огне кивнули, словно одобряя её слова; дед улыбнулся ей — впервые за долгие годы она увидела эту улыбку, и от неё на душе стало теплее. «Ты верно видишь, дитя моё, — прошептал он. — Но помни: победа придёт не сама. Её нужно заслужить. Каждый из нас должен внести свой вклад, даже если этот вклад — лишь слово, сказанное вовремя». Сейдкона склонила голову в знак уважения. «Я передам ваше послание, — сказала она. — Люди должны знать, что тьма не вечна. Что за самой тёмной ночью всегда следует рассвет». Пламя вспыхнуло ярче, на мгновение осветив комнату золотистым светом, а затем снова успокоилось; лица предков растворились в дыму, оставив после себя лишь лёгкий аромат хвои и полыни — запах их родного края, который они защищали до последнего вздоха. Сейдкона поднялась со стула, её движения были медленными, но уверенными; она подошла к столу, взяла перо и чистый лист бумаги; её рука дрогнула лишь на секунду, прежде чем начать писать, — слова лились из неё, словно река, прорвавшая плотину; она записывала всё, что увидела, всё, что услышала, чтобы передать это старейшинам, воинам, каждому, кто готов был слушать. Когда последний штрих был завершён, она подняла лист и посмотрела на него; буквы мерцали, будто впитали в себя частицу того огня, в котором родились эти пророчества. «Пусть это письмо станет факелом в руках тех, кто устал, — прошептала она. — Пусть оно напомнит им, что победа близка». Она свернула лист, запечатала его воском и положила в сумку; завтра на рассвете она отправится в путь — через леса и горы, чтобы донести до людей слово предков; ведь пророчество — это не просто предсказание, это призыв к действию, и она знала, что её миссия только начинается.

Сейдкона

Скальд

В деревне у фьорда, где дома дымили очагами, а вдоль берега выстроились ладьи с головами драконов на носу, готовился пир в честь эриля Сигварда. Он вернулся из дальнего похода с богатой добычей и славой — говорили, что он прочёл руны так верно, что ветер сам гнал его корабль домой, минуя штормы.

Но не все радовались его возвращению. В тени длинного дома, прислонившись к бревну, стоял скальд по имени Эйнар. Его глаза блестели недобрым блеском. Эйнар давно завидовал Сигварду — не только славе, но и тому, как люди слушали его, склонив головы, словно каждое слово эриля было законом. Эйнар же, хоть и умел складывать стихи, так и оставался в тени.

«Если не можешь превзойти — унизь», — шептала ему зависть. И он решил сочинить нид — хулительную песнь, которая бы разнесла имя Сигварда по всем фьордам, превратив его славу в посмешище.

Эйнар трудился над нидом несколько ночей. Он подбирал слова, острые, как осколки льда, и рифмы, едкие, как дым от сырых дров. Он вложил в них всё своё мастерство, всё негодование, всю горечь. И когда нид был готов, он решил исполнить его на пиру, перед всеми.

Пир гремел. Мед лился рекой, воины поднимали рога за Сигварда, а тот, румяный от тепла очага и гордости, сидел во главе стола и принимал похвалы. Эйнар встал, поднял руку, прося тишины, и когда голоса смолкли, начал.

Первые строки прозвучали сладко, почти как хвалебная песнь. Воины заулыбались, думая, что скальд воздаёт должное герою. Но затем ритм изменился, слова стали колючими, и смысл открылся всем. Эйнар высмеивал поход Сигварда, называл его удачу случайной, а силу — мифом, раздутым трусливыми рассказчиками. Он даже намекнул, что руны слушались эриля не из уважения, а из жалости.

Смех прокатился по залу, но был он неровным, неуверенным. Кто-то смеялся, кто-то хмурился, а Сигвард, побледнев, сжал кулаки. Он не привык к такому унижению.

Но прежде чем эриль успел вскочить и схватить скальда за грудки, между ними встал другой человек. Это был Варлоккок, младший брат Сигварда. Не такой высокий, не такой могучий, но с глазами, в которых горел холодный, расчётливый огонь.

— Остановись, Эйнар, — произнёс Варлоккок тихо, но так, что его слышали все. — Ты думаешь, что твоё слово сильнее, чем правда?

— Правда? — Эйнар рассмеялся, но в его смехе прозвучала фальшь. — Правда — это то, что люди услышат. И они уже слышали.

Скальд

— Они услышали ложь, — спокойно сказал Варлоккок. — И я докажу это.

Он повернулся к людям.

— Вы знаете, что мой брат — эриль. Он читает руны и говорит с силами, которые вам не понять. Но вы также знаете меня. Я не эриль, я варлоккок — тот, кто знает тайные слова, кто видит то, что скрыто. И я скажу вам, кто такой Эйнар на самом деле.

Варлоккок сделал шаг к скальду. Тот невольно отступил.

— Ты думаешь, ты хитёр, Эйнар? Ты думаешь, твои слова — это магия? Но ты забыл одно: слова имеют вес. Каждое слово, которое ты произнёс, оставляет след. И я вижу эти следы.

Варлоккок поднял руку и произнёс несколько слов на древнем языке, который редко звучал в этих краях. Воздух между ним и Эйнаром словно сгустился, и на мгновение показалось, что вокруг скальда вспыхнуло слабое сияние — не золотистое, как от добрых слов, а тусклое, грязно-серое.

— Видишь? — Варлоккок указал на это сияние. — Это цвет твоих слов. Они не светятся славой. Они пахнут завистью. Ты хотел унижить моего брата, но ты унижил только себя.

Эйнар побледнел. Он попытался что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Он почувствовал, как его собственное творение — нид — словно обернулось против него, сковывая его язык.

— Твои слова не имеют силы, потому что в них нет правды, — продолжил Варлоккок.
— Ты хотел, чтобы люди смеялись над Сигвардом, но они увидят, кто здесь настоящий трус.

Воины переглянулись. Кто-то опустил глаза, кто-то нахмурился. Эйнар понял, что проиграл. Его хитрость не сработала. Вместо славы он получил позор.

— Уходи, — сказал Варлоккок, и в его голосе не было злобы, только твёрдость. — Уходи и больше не возвращайся, пока не научишься уважать тех, о ком говоришь.

Эйнар, сгорбившись, вышел из длинного дома. За его спиной повисла тишина, а затем, медленно, один за другим, воины начали поднимать рога за Сигварда и его брата.

Сигвард положил руку на плечо Варлоккока.

— Спасибо, брат, — сказал он. — Ты спас мою честь.

Варлоккок улыбнулся.

— Я лишь показал правду. А правда всегда сильнее лжи, даже если ложь красиво сложена.

Варлоккок

В деревушке у подножия скалистых гор, где дома были сложены из тёмного дерева и крыты мхом, настал чёрный час. Болезнь, которую люди называли «серой хворью», пришла с южным ветром. Сначала заболел ребёнок пастуха — его кожа посерела, а дыхание стало хриплым. Через несколько дней хворь перекинулась на других, и вскоре в каждом доме слышались стоны и плач. Старейшины не знали, что делать: травы не помогали, молитвы богам оставались без ответа. Оставалась лишь одна надежда — на варлока Хельги, что жил на отшибе, у самого леса, где тени казались гуще, а ветер шептал странные слова.

Варлоккок

Хельги был не таким, как остальные. Он знал язык птиц и мог услышать, как шепчутся корни старых деревьев. Люди его побаивались — ведь он общался с духами, а это занятие не для робких сердец. Но когда хворь стала забирать жизни, к его двери пришли старейшины.

— Хельги, — сказал старейшина Борг, склонив голову, — ты единственный, кто может нам помочь. Мы знаем, что ты говоришь с теми, кто за гранью. Узнай, почему на нас обрушилось это проклятие, и избавь нас от него.

Хельги посмотрел на них своими светлыми, почти прозрачными глазами, в которых, казалось, отражались иные миры.

— Это не просто болезнь, — тихо произнёс он. — Это гнев. Кто-то потревожил место покоя, и духи мёртвых разгневались.

Он знал, о чём говорил. Неделию назад молодые охотники, в поисках добычи, забрели в запретную рощу и разорили древний курган, вытащив из него оружие и украшения. Хельги предупреждал, что нельзя тревожить мёртвых, но его не послушали. Теперь духи мстили, насылая хворь на деревню.

— Я пойду к ним, — сказал Хельги. — Но мне понадобится помощь. Мне нужны травы, что растут у болота, и ещё — молчание. Никто не должен идти за мной и мешать моему обряду.

Всю ночь Хельги готовился. Он разложил на столе камни с вырезанными рунами, смешал травы в котле, бормоча заклинания на древнем языке. Когда луна поднялась высоко, он взял с собой чёрный мешок и направился к роще.

У входа в рощу он остановился и произнёс:

— Я иду к вам с миром. Я не враг. Я прошу вас выслушать меня.

Тишина была ему ответом, но Хельги знал, что его слышат. Он прошёл вглубь рощи, туда, где стоял разоренный курган. Земля вокруг него была потревожена, а воздух был тяжёлым, словно пропитанным горечью.

Хельги опустился на колени и начал петь. Это была не песня, а скорее шёпот, похожий на шум ветра в листве. Он звал духов, просил их выйти и поговорить с ним. Постепенно воздух вокруг него начал сгущаться, и из теней выступили фигуры — полупрозрачные, с глазами, горящими холодным светом.

— Ты потревожил наш покой, — прошипел один из духов, его голос звучал так, словно доносился из глубокой ямы.

— Не я, — спокойно ответил Хельги. — Молодые глупцы, не знающие законов. Но я здесь, чтобы исправить их ошибку.

Он достал из мешка украденные вещи — меч, брошь, ожерелье — и положил их на землю у кургана. Затем он взял нож и сделал надрез на своей ладони. Кровь упала на землю, и Хельги произнёс заклинание, которое знали только варлоки — слова, способные связывать миры.

— Я отдаю свою кровь, чтобы вы услышали меня. Я прошу вас прекратить эту хворь. Люди раскаиваются. Они вернут всё, что взяли, и больше не будут тревожить вас.

Духи молчали, словно взвешивая его слова. Затем самый высокий из них, с короной из костей на голове, шагнул вперёд.

— Твоя кровь чиста, варлок. Ты говоришь правду. Но цена должна быть уплачена.

— Я готов заплатить, — без колебаний ответил Хельги.

Дух протянул руку, и Хельги почувствовал, как холод пронзил его до костей. Это было не просто прикосновение — это была сделка. Он отдал часть своей жизненной силы, чтобы духи приняли его жертву и сняли проклятие.

— Пусть будет так, — произнёс дух. — Мы уйдём, и хворь отступит. Но помни, варлок: мир между живыми и мёртвыми хрупок. Береги его.

Фигуры начали растворяться в воздухе, и вместе с ними исчезло тяжёлое ощущение присутствия потустороннего. Хельги остался один, тяжело дыша. Он знал, что теперь его силы будут восстанавливаться долго, но это была малая цена за спасение деревни.

На следующее утро люди заметили, что хворь начала отступать. Больные стали дышать легче, а серые пятна на коже постепенно исчезали. Когда Хельги вернулся в деревню, его встретили не страхом, а благодарностью.

— Ты спас нас, — сказал Борг, кланяясь.

— Я лишь восстановил равновесие, — ответил Хельги, устало улыбаясь. — Помните: мир тоньше, чем кажется. И те, кто за гранью, слышат нас всегда.

С тех пор в деревне больше не тревожили древние курганы, а Хельги продолжал жить на отшибе, охраняя границу между мирами и следя за тем, чтобы покой мёртвых не был нарушен вновь.

Вельва

В ту осень ветер с фьорда нёс не только соль и запах гниющих водорослей, но и тревогу. Люди шептались у очагов: конунг Хродмар уже третий день держал совет с ярлами, и дым над длинным домом стоял такой густой, будто там жгли не еловые ветви, а саму надежду. Соседний клан стягивал дружину к перевалу, гонцы метались между хуторами, а в воздухе висело то самое ощущение, когда мир ещё держится на ниточке. Хильд знала, что её позовут. Она не пряталась за занавеской, не делала вид, что занята прялкой. Она сидела у окна, перебирала гладкие камни с насечками и ждала. Камни были холодные, как правда, которую никто не хочет слышать. А правда была в том, что война уже шла — просто пока только в мыслях людей, в их страхе и жадности. И если её не остановить сейчас, завтра она вырвется наружу рёвом боевых рогов. Когда в дверь постучали, Хильд даже не вздрогнула. На пороге стоял молодой дружинник с бледным лицом. — Конунг просит тебя в длинный дом, вельва, — выдохнул он. Она накинула плащ с капюшоном, взяла свой жезл — не резной, не украшенный серебром, а простой, из коряги, вынесенной морем. В длинном доме было душно. Мужчины сидели плечом к плечу. — Ты знаешь, зачем мы здесь, — начал мужчина, но Хильд покачала головой, останавливая его жестом. — Я знаю, о чём вы думаете. Но не знаю, готовы ли вы услышать то, что скажу я. По залу прокатился недовольный гул. Кто-то фыркнул: «Опять эти женские сказки». Хильд медленно обвела взглядом собравшихся. — Сказки спасают от мечей, когда ваши клятвы уже не держат. Слушайте. Она не стала устраивать представлений. Не зажгла костёр, не запела. Просто достала из мешка пучок сушёной полыни, бросила щепотку на угли очага, и воздух сразу стал резким, горьким. Дым поднялся тонкой струйкой и не рассеялся, а сложился в очертания, которые каждый видел по-своему: кто-то — кровавый туман над перевалом, кто-то — чёрных воронов, кружащих над пепелищем. — Вы спрашиваете, нападать ли первыми, чтобы защитить своё, — произнесла Хильд, и голос её звучал ровно, без надрыва. — Но я вижу не защиту. Я вижу, как огонь пожирает то, что вы строили годами. Вижу, как матери прячут детей в пещерах, а поля остаются незасеянными. Вижу, как вражда тянется через поколения, и ваши внуки будут ненавидеть тех, кого вы даже не знаете. Один из ярлов, молодой и горячий, вскочил: — А если они ударят первыми? Мы должны сидеть сложа руки? — Никто не говорит о бездействии, — спокойно ответила Хильд. — Но сила не только в том, чтобы поднять меч. Она в том, чтобы выбрать иной путь, пока он ещё есть. Она подошла к столу, где лежали карты, начертанные на бересте, и пальцем провела линию вдоль русла реки, что разделяла земли двух кланов. — Здесь, — сказала она, — на броде, где вода шумит громче всего, завтра на рассвете будет туман. Пусть туда выйдут не воины, а старейшины. Пусть возьмут с собой не щиты, а хлеб и соль. И пусть каждый принесёт что-то, что ему дорого: кольцо, нож, кусок ткани. Это будет знак: мы готовы платить цену за мир, а не за победу. Хродмар нахмурился: — Это опасно. Они могут принять это за слабость. — Они примут это за смелость, — возразила Хильд. — Слабые прячутся за спинами дружин. Смелые выходят вперёд без оружия. Она помолчала, потом добавила тише, глядя прямо в глаза конунгу: — И ещё. Пусть с ними буду я. Мой жезл не защитит от удара меча, но он напомнит всем, что есть силы старше, чем ваша вражда. Наутро туман действительно опустился на брод, густой и белый, как молоко. Хильд шла впереди небольшой группы, в простом сером плаще, с жезлом в руке. За ней — Хродмар, два старейшины и несколько человек без оружия, с узелками в руках. Со стороны соседнего клана тоже показалась группа, и на мгновение сердце Хильд сжалось: ей почудился лязг металла. Но когда туман чуть рассеялся, она увидела, что у них тоже нет щитов, только посохи и свёртки. Переговоры шли долго. Люди кричали, перебивали друг друга, вспоминали старые обиды. Хильд не вмешивалась. Она стояла чуть в стороне, касалась жезлом влажной земли и шептала слова, которые не были ни заклинанием, ни молитвой, а скорее напоминанием: «Мы

— люди. Мы устаём. Мы хотим спать в своих домах». И постепенно голоса стихли. Кто-то предложил разделить рыбные уголья по-новому, кто-то вспомнил, что их прадеды когда-то вместе строили пристань. А потом старейшина соседнего клана развязал свой узелок и достал старый гребень с выцветшей резьбой. — Моя бабка говорила, что этот гребень был сделан мастером из ваших мест, — произнёс он, и в голосе его дрогнула непривычная мягкость. — Может, он вернётся туда, откуда пришёл, как знак, что мы помним родство. Хродмар снял с пальца серебряное кольцо с печатью и положил его рядом с гребнем. — Пусть это будет залогом, — сказал он. — Мы не забудем. К полудню туман рассеялся, и солнце осветило мокрые камни брода. Договорились о границах, о взаимной помощи в голодные годы, о том, что споры будут решать на общем тинге, а не мечами. Когда люди начали расходиться, Хродмар подошёл к Хильд. — Ты знала, что так будет? Увидела это в своём видении? Она покачала головой: — Я видела лишь возможные пути. Один вёл в огонь, другой — в тишину. Я просто помогла им выбрать тишину. Он хотел сказать что-то ещё, поблагодарить, но она уже повернулась и пошла прочь, туда, где её ждали камни с насечками, можжевеловый дым и долгая работа по удержанию мира, который всегда норовит рассыпаться на осколки. А страна, которую она спасла от войны, ещё долго вспоминала тот туманный рассвет у брода — и женщину с простым жезлом, которая напонила всем, что сила бывает разной.

Старший футарк. Три атта. Значения рун

1-й атт (атт Фрейи)							
							
Феху	Уруз	Турисаз	Ансуз	Райдо	Кеназ	Гебо	Вуньо
2-й атт (атт Хеймдалля)							
							
Хагалаз	Наутиз	Иса	Йера	Эйваз	Пертро	Альгиз	Соуло
3-й атт (атт Тюра)							
							
Тейваз	Беркана	Эваз	Манназ	Лагуз	Ингуз	Дагаз	Одал

Как появился Старший футарк: легенда и история.

В далёкие времена, когда мир ещё был полон тайн, а боги напрямую общались с людьми, в северных землях зарождалась письменность, которой суждено было стать ключом к сакральным знаниям. Её называли Старший футарк — по первым шести рунам: Fehu, Uruz, Thurisaz, Ansuz, Raidu, Kauna.

Скандинавы верили: руны не были изобретены людьми — они открылись верховному богу Одину в момент величайшего испытания.

Однажды Один, жаждущий мудрости, решил постичь тайны мироздания. Он пронзил себя копьём и девять дней и ночей провисел на Мировом древе Иггдрасиль без еды и питья. В состоянии между жизнью и смертью, преодолевая боль и тьму, он услышал шёпот рун. Тогда Один начертал первые знаки собственной кровью на Древе — так руны стали мостом между миром богов и людей.

С тех пор руны считались не просто буквами, а сакральными символами, несущими силу и знание. Их использовали для: общения с богами; гадания и прорицания; создания защитных амулетов; записи важных событий и имён.

Полный список рун Старшего футарка:

1-й атт (атт Фрейи — богини любви, плодородия и войны):

Fehu (Феху), Uruz (Уруз), Thurisaz (Турисаз), Ansuz (Ансуз), Raidho (Райдо), Kenaz (Кано/Кеназ), Gebo (Гебо), Wunjo (Вуньо).

2-й атт (атт Хеймдалля — хранителя Асгарда):

Hagalaz (Хагалаз), Nauthiz (Наутиз), Isa (Иса), Jera (Йера), Eihwaz (Эйваз), Perthro (Перт), Algiz (Алгиз), Sowilo (Соулу).

3-й атт (атт Тюра — бога войны и справедливости):

Tiwaz (Тейваз), Berkano (Беркана), Ehwaz (Эваз), Mannaz (Манназ), Laguz (Лагуз), Ingwaz (Ингуз), Dagaz (Дагаз), Othala (Отала/Одал).

Атт Фрейи

Термин «атт» (его также часто называют «этт») берет начало от древнескандинавского слова, которое переводится как «род», «семья» или «поколение». В системе Старшего Футарка — классическом руническом алфавите из 24 знаков — все символы строго распределены на три такие родовые группы, по восемь рун в каждой.

Первый атт традиционно носит имя богини Фрейи. В скандинавской мифологии она почитается как покровительница любви, страсти, плодородия и магического искусства сейдр. Именно эта группа открывает ряд и задает тон всему алфавиту.

В него входят первые восемь символов: Феху, Уруз, Турисаз, Ансуз, Райдо, Кенз, Гебо и Вуньо. По своей сути этот блок символизирует первоначальный импульс творения и материальный фундамент жизни. Если рассматривать его через призму мироустройства, то здесь закладывается основа всего сущего.

Материальные блага: это уровень физического выживания, накопления ресурсов, имущества и жизненной энергии. Недаром первая руна всего ряда — Феху — буквально означает домашний скот или движимое имущество. Зарождение намерения: с точки зрения магии и психологии, первый атт описывает стадию, когда желание только появляется, эмоции сильны, но форма еще не обрела четких границ. Это чистая созидательная мощь, которая стремится проявиться в реальном мире. Первобытные силы: знаки этой группы олицетворяют могучие стихии и процессы, которые взаимодействуют между собой ради сотворения нового порядка, порой проходя через неизбежное разрушение старого.

Таким образом, Атт Фрейи можно назвать фундаментом любого начинания. Он отвечает за стартовую энергию, получение первых плодов, физическое здоровье и удовлетворение базовых нужд человека. Без прохождения этого этапа невозможно перейти к более сложным духовным и социальным процессам, которые описываются последующими группами рун — аттом Хеймдала и аттом Тюра.

Fehu («скот, богатство»): прямое: материальное благополучие, приобретение, успех благодаря труду; перевёрнутое: потери, ошибки, жадность. Uruz («зубр»): выносливость, сила, независимость, природная энергия. Purisaz («великан»): защита, конфликт, преодоление препятствий. Ansuz («бог, уста»): вдохновение, речь, мудрость, общение. Raido («путь»): путешествие, движение, выбор направления. Kano («факел»): знание, творчество, новые идеи, прозрение. Gebo («дар»): партнёрство, обмен, гармония в отношениях. Wunjo («радость»): прямое: счастье, завершение, позитивная динамика; перевёрнутое: препятствия, задержка планов.

Атт Хеймдалля

Атт Хеймдалля представляет собой вторую восьмерку символов в древнем руническом строе. В этот круг входят знаки, которые с точки зрения северной мифологии находятся под покровительством бдительного стража богов — Хеймдалля, чья задача заключается в охране границы между обителью асов и миром смертных.

Если первая группа рун (атт Фрейи) символизирует семена, брошенные в почву, то вторая описывает сам процесс роста сквозь камни и непогоду. Это пространство уже воплощенного мира, где абстрактные мечты сталкиваются с суровыми законами физики и социума. Здесь нет места наивности: любая идея проверяется на жизнеспособность жесткой реальностью.

Ключевые аспекты этого атта можно разделить на несколько смысловых пластов:

Поле жизненных экзаменов. Руны этой группы часто называют инструментами судьбы или кармы. Они олицетворяют те события, над которыми человек не властен: внезапное разрушение привычного уклада, периоды лишений, болезни или изнуряющий физический труд. Эти символы действуют холодно и беспристрастно, обнажая истинную суть вещей.

Закалка духа через преодоление. Энергия второго атта работает как кузнечный горн. Она используется для глубокой трансформации личности, когда необходимо выжечь старые

страхи, очистить сознание от мусора и выстроить новую внутреннюю структуру. Прохождение через эти руны всегда связано с кризисом, который служит точкой невозврата — после него прежним остаться невозможно.

Ритм мироздания. На этом уровне происходит осознание цикличности всего сущего. Знаки Хеймдала связывают человека с великим порядком природы: сменой времен года, неизбежностью увядания ради будущего урожая и тайной перерождения. Это уровень глубокого контакта души с высшими силами, где приходится принимать конечность материи ради вечности духа.

Оборона и порядок. Будучи хранителем границ, Хеймдалль наделяет свои символы функцией защиты. Руны этого круга помогают человеку укрепить личные границы, отсеять вредоносные влияния и навести порядок в окружающем пространстве, чтобы хаос внешнего мира не разрушил хрупкую гармонию внутреннего.

Мифологически эту группу можно сравнить с восхождением на высокую гору в плохую погоду. Если первый атт дал путнику припасы для начала пути, то второй сталкивает его с пронизывающим ветром, туманом и риском сорваться в пропасть. Это период жесткого взросления, избавления от розовых очков и принятия того факта, что путь к цели требует выносливости. Только выдержав это давление объективной реальности Мидгарда, искатель становится достаточно сильным, чтобы перейти к третьему атту Тюра — этапу осознанного управления своей жизнью.

Nagalaz («град»): разрушение, очищение, внезапные перемены, испытание. Naudiz («нужда»): необходимость, ограничения, поиск выхода из кризиса. Isa («лёд»): пауза, застой, самоконтроль, переосмысление. Jera («год»): цикличность, урожай, награда за труд. Eihwaz («тис»): защита, устойчивость, связь миров, преодоление. Perth («тайна»): скрытое, трансформация, интуиция, рождение нового. Algiz («лось»): защита от негатива, покровительство, связь с высшими силами. Sowilo («солнце»): энергия, успех, победа, жизненная сила.

Атт Тюра

Атт Тюра представляет собой третью, завершающую группу из восьми рун Старшего Футарка. В состав этого атта входят следующие символы в строгом порядке: Тейваз, Беркана, Эваз, Манназ, Лагуз, Ингуз, Ота и Дагаз. Группа названа по имени скандинавского божества Тюра — бога войны, чести, самопожертвования и правосудия.

В общей структуре рунического алфавита этот блок занимает позицию итогового этапа развития. Если первый атт описывает первичные силы творения и зарождение потенциала, а второй характеризует столкновение с объективной реальностью, кармическими испытаниями и законами природы, то третий атт полностью посвящен земной реализации человека. Это уровень активного формирования личности, социальной интеграции и осознанного управления собственной судьбой.

Основные смысловые характеристики третьего атта заключаются в следующем:

Соединение духовного и материального. Руны этой группы описывают механизмы взаимодействия тонких энергий с физической действительностью. Они связывают воедино тело и дух, позволяя человеку осознать законы мироздания не на уровне философской абстракции, а через конкретные жизненные ситуации, эмоции и принятие решений.

Человеческое измерение бытия. В отличие от первых двух групп, которые тесно связаны с космогоническими мифами и действиями богов, атт Тюра фокусируется исключительно на человеческом существовании. Эти знаки отражают развитие цивилизации, становление общественных институтов, эволюцию разума и формирование понятий о справедливости, семье и наследии.

Результативность и завершение процессов. Символы данного атта показывают конечный результат тех усилий, семена которых были заложены в начале пути. Здесь преобладает энергия структурирования, упорядочивания и получения осязаемых плодов. Каждый знак имеет четкий вектор действия, направленный на достижение конкретной цели или стабилизацию достигнутого положения.

Динамика перехода и трансформации. Несмотря на кажущуюся завершенность, этот атт не является статичным концом. Покровительство Тюра подразумевает активную борьбу за порядок. Эти руны используются для преодоления стагнации, разрушения устаревших форм ради создания новых, более совершенных структур. Дагаз выступает здесь как символ качественного скачка, а Ингуз — как накопленная сила, готовая к материализации.

Таким образом, атт Тюра символизирует этап зрелости, когда человек перестает быть пассивным объектом воздействия высших сил и становится сознательным со-творцом своей реальности. Этот блок знаков отвечает за социальную самореализацию, интеллектуальное развитие, интуитивное познание мира и закрепление результатов на физическом плане.

Tiwaz («Тюр»): справедливость, битва, закон, целеустремлённость. Berkana («берёза»): прямое: рост, плодородие, материнство, обновление; перевёрнутое: трудности в отношениях, задержка развития. Ehwaz («лошадь»): движение, партнёрство, адаптация, перемены. Mannaz («человек»): самосознание, сообщество, взаимодействие, память. Laguz («вода»): прямое: интуиция, поток, эмоциональная глубина; перевёрнутое: хаос, необдуманные действия, иллюзии. Inguz («Инг»): плодородие, завершение цикла, потенциал, мужская сила. Othala («наследие»): прямое: собственность, род, традиции, дом; перевёрнутое: спешка, потеря, нарушение порядка. Dagaz («день»): прорыв, новый этап, просветление, трансформация.

Руны первого атта

Первый атт Старшего футарка (8 рун: Fehu, Uruz, Thurisaz, Ansuz, Raidu, Kauna, Gebu, Wunju) посвящён началу пути, потенциалу, ресурсам и первым шагам к цели. Его покровитель — Фрейр (бог плодородия, мира и богатства). Эти руны задают вектор движения, открывают новые возможности и помогают запустить необходимые для мага процессы.

Ключевые смыслы атта: новые проекты и начинания; раскрытие талантов и ресурсов; установление связей и партнёрств; движение вперёд, поиск пути; обретение радости и гармонии.

Как используют каждую руну в магии:

Fehu (Феху) Основное значение: имущество, благосостояние, материальный поток. Магическое применение: привлечение денег и ресурсов; защита имущества; стабилизация финансового положения; усиление энергии изобилия. Наносят на кошельки, счета, амулеты; включают в рунические формулы на достаток.

Uruz (Уруз) Основное значение: дикая сила, здоровье, перемены к лучшему. Магическое применение: наращивание личной силы и выносливости; преодоление застоев и инертности; ускорение выздоровления; запуск трансформационных процессов. Используют в ставах на силу, в ритуалах инициации, наносят на спортивные амулеты.

Thurisaz (Турисаз) Основное значение: врата, сила намерения, преодоление препятствий. Магическое применение: разрушение барьеров и блоков; защита от агрессии и негатива (как «шипы» ограды); концентрация воли для достижения цели; работа с жёсткими ситуациями (суды, конфликты). Включают в защитные ставы, наносят на оружие/щиты (символически), используют в ритуалах отсечения.

Ansuz (Ансуз) Основное значение: общение с высшими силами, знание, вдохновение. Магическое применение: развитие интуиции и яснознания; получение подсказок от духов-покровителей; успешное обучение и сдача экзаменов; красноречие и убедительность в переговорах. Наносят на книги, учебные материалы, микрофоны; используют в медитациях на прозрение.

Raidu (Райдо) Основное значение: путь, движение, развитие. Магическое применение: безопасные путешествия (физические и духовные); поиск верного направления в проекте; ускорение процессов (доставка, переговоры, переезд); гармонизация отношений в дороге (командировки, туры). Рисуют на картах, билетах, рулях; включают в дорожные амулеты.

Kauna (Кеназ/Кано) Основное значение: свет, творчество, истинное предназначение. Магическое применение: раскрытие творческого потенциала; исцеление (особенно глаз, кожи, нервной системы); прояснение ситуации (как «факел» в темноте); усиление харизмы и привлекательности. Наносят на художественные инструменты, лампы, зеркала; используют в ритуалах улучшения магического зрения.

Gebu (Гебо) Основное значение: дар, партнёрство, взаимность. Магическое применение: установление равноправных отношений (любовь, бизнес); благодарность и обмен энергией; заключение честных договоров; гармонизация пары (баланс «брать-давать»). Пишут между именами партнёров, включают в любовные ставы, используют в ритуалах благодарности. Wunju (Вуньо) Основное значение: радость, гармония, успешное завершение. Магическое применение: привлечение позитива и лёгкости; снятие стресса и тревоги; празднование достижений; усиление удовольствия от процесса. Наносят на предметы радости (музыкальные инструменты, украшения), включают в формулы на счастье.

Общие принципы работы с первым аттом:

Руны первого атта используют, чтобы запустить процесс, привлечь ресурсы и задать направление работе рунических ставов. Их нужно активировать — для этого есть несколько

способов. Можно произнести оговор: чётко проговорить намерение и что именно хочется получить. Ещё вариант — активировать дыханием: выдохнуть на руну, сосредоточившись на цели. Иногда используют символическую каплю крови — это помогает закрепить личную связь с руной. Ещё один способ — провести руну над пламенем (например, свечи), чтобы активировать её огнём. В качестве носителя подойдут разные материалы: дерево, камень, кожа, бумага, металл. Можно нанести руны на тело в виде временных татуировок. В ставах руны первого атта обычно ставят в начало — они задают общий импульс и направление всей конструкции. Для активации руны Феху формулируют намерение, связанное с ресурсами, затем произносят оговор, после чего выдыхают на символ либо проводят его над пламенем свечи. При активации Турисаз сперва задают чёткое намерение с обозначением конкретной преграды, далее проговаривают оговор, избегая размытых формулировок, затем выдыхают на знак либо держат его короткое время над огнём. Руну Ансуз активируют через намерение, связанное с информацией или общением, — проговаривают оговор, затем делают выдох на символ либо проводят его над пламенем. Для запуска Райдо обозначают конкретный путь или направление движения, произносят оговор с фиксацией этого направления, далее активируют дыханием либо огнём. При работе с Кеназ формулируют намерение, касающееся прояснения или творчества, проговаривают оговор, затем выдыхают на знак либо держат над пламенем. Руну Гебо активируют при фиксации готовности к обмену, для этого озвучивают оговор с отражением условий обмена, далее делают выдох на символ либо проводят над огнём. Для активации Вуньо задают намерение, связанное с итогом или результатом, проговаривают оговор, затем активируют дыханием либо над пламенем. В качестве носителя для любой руны первого атта используют дерево, камень, кожу, бумагу, металл либо временное нанесение на тело; способ активации (оговор, дыхание, огонь) выбирают исходя из задачи — можно применять один метод либо комбинировать несколько, опираясь на собственные установки и рабочий формат.

Руны первого атта — это «семена» изменений. Они помогают запустить процесс, привлечь ресурсы и двигаться вперёд.

Руны второго атта

Руны второго атта

Второй атт, включающий восемь рун — Hagalaz, Naudiz, Isaz, Jara, Iwaz, Perfu, Algiz и Sowilu, — связан с процессами трансформации, преодолением препятствий и глубинными сдвигами. Его покровителем считается Хеймдалль — страж богов и Мирового Древа. В этих знаках отражаются силы сопротивления, течения времени и защиты; они помогают пройти через кризисные состояния и обрести новый уровень устойчивости. Ключевые смыслы ряда охватывают разрушение отжившего, терпение в условиях нужды, паузу для восстановления, цикличность и закономерный итог трудов, связь с высшими силами, а также возрождение и рост.

Hagalaz (Хагалаз) Хагалаз выражает разрушительную и стихийную силу, действующую как естественный механизм очищения. Она служит для ломки негативных программ, устранения шаблонов и зависимостей, способна разряжать застойные состояния, когда неподвижность несёт больший риск, чем резкие перемены. Её энергия задействуется для нейтрализации угроз, в том числе вредоносных влияний, и для инициации трансформаций там, где иные пути оказываются заблокированы. При работе с этим знаком требуется чёткое определение цели: направленность усилия задаёт границы действия руны и позволяет избежать избыточного разрушения. Для практического воплощения её силы знак включают в рунические ставы, ориентированные на отсечение вредоносных связей, наносят на твёрдые предметы, предназначенные для ритуальных чисток, задействуют в обрядовых действиях, связанных с разрушением отжившего.

Naudiz (Наутиз) Наутиз отражает состояние нужды и необходимость действовать в стеснённых условиях. Она поддерживает человека в кризисах и лишениях, укрепляет волю, помогает сохранять фокус на цели даже при остром дефиците ресурсов — времени, сил, материальных возможностей. Её действие связано с удержанием курса, когда опора минимальна, и с выработкой внутренней стойкости в обстоятельствах, ограничивающих свободу выбора. Обращение к этой руне подразумевает отказ от попыток подчинять чужую волю: её ресурс ориентирован на преодоление собственных границ, а не на внешнее давление. На практике знак наносят на личные вещи, включают в состав защитных формул, призванных сберечь внутренний стержень, используют в сосредоточенных медитативных практиках, укрепляющих выдержку.

Isaz (Иса) Иса воплощает паузу и эффект застывания, позволяя приостанавливать деструктивные процессы. С её помощью сдерживают эскалацию конфликтов, замедляют течение болезненных состояний, создают условия для восстановления сил через покой. Она даёт временную передышку, защищая от истощения и эмоционального перегруза. При этом её функция ограничена по времени: она предназначена для краткосрочной стабилизации, а не для бессрочной консервации ситуации, и её действие целесообразно завершать, когда появляется возможность возобновить движение. В рамках практической работы символ вырезают или изображают на устойчивых носителях — на амулетах, призванных сохранять равновесие, фиксируют на предметах, связанных с ритуалами остановки избыточной активности; смысл знака передают через устойчивые материальные формы, способные отразить идею сдерживания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.